

лежалъ жалкій старичекъ, обрѣтый, съдой... Одна изъ родственницъ упала въ обморокъ...

Митрополитъ Серафимъ принесъ свое бѣлое облаченіе, бѣлую митру. По облаченіи тѣло Владыки положили въ другой, лучший гробъ.

Отпѣваніе совершалъ самъ митрополитъ въ сослуженіи 6 архіереевъ и множества духовенства. Пѣлъ хоръ.

Похоронили Владыку въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

Такъ отошелъ въ вѣчность этотъ богатырь духомъ и тѣломъ, чудесной души человѣкъ, надѣленный отъ Господа выдающимися богословскими дарованіями, жизнь свою положившій за Церковь Христову. Вѣчная ему память.

П. Туруханскій.

Организмъ или организація?

Мнѣ хочется подѣлиться съ членами Движенія нѣкоторыми своими размышленіями, которыя вызвалъ во мнѣ послѣдній годичный съѣздъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года. Для меня лично наши годичные съѣзды всегда были наиболѣе «страдной» порой въ жизни Движенія — и не по одному только обилію дѣлъ, не по одному сосредоточенію самыхъ отвѣтственныхъ и сложныхъ запросовъ изъ жизни Движенія, но и по тѣмъ личнымъ переживаніямъ, которыми для меня всегда были насыщены годичные съѣзды. Я не хочу объ этомъ ничего здѣсь рассказывать, я хочу лишь отмѣтить «страдный» для меня характеръ годичныхъ съѣздовъ. Но послѣдній съѣздъ былъ мнѣ особенно труденъ; по цѣлому ряду дѣлъ онъ былъ какимъ то рубежомъ, отмежевывающимъ одинъ періодъ жизни Движенія отъ другого, нынѣ начинающагося. Иногда я жалѣю, что я не дѣлюсь съ членами Движенія всеѣмъ тѣмъ, что осѣдаетъ въ моей душѣ во время съѣздовъ, — но все равно всего не расскажешь. Но въ этотъ разъ мнѣ хочется все же кое о чемъ рассказать, — хотя бы и не до конца, — тѣмъ болѣе, что въ этомъ съѣздѣ нѣкоторыя мои слова и мысли создали рядъ затрудненій. До извѣстной степени я буду говорить въ дальнѣйшемъ о себѣ (*de me fabula narratur...*), но мнѣ хо-

тѣлось бы свести личный моментъ до минимума и сосредоточиться на тѣхъ общихъ соображеніяхъ, которыя извлекаетъ моя мысль изъ этого личного матеріала.

1. Мы всегда заняты въ Движеніи «самокритикой», часто очень суровой и даже пристрастной, но въ то же время вытекающей изъ желанія видѣть въ Движеніи нѣкій идеальный и праведный типъ жизни. Этотъ максимализмъ въ отношеніи къ Движенію, эти высокія ожиданія отъ него являются, по существу, очень яркимъ показателемъ того, что въ Движеніи живетъ глубокая жажда воплотить и утвердить идею церковности. Мы не хотимъ быть обычной общественной организаціей, мы хотимъ видѣть въ Движеніи **христіанское** объединеніе людей, живущихъ во имя Христова и по завѣтамъ Его. Эта жажда ощутить въ Движеніи духъ подлинной церковности, духъ подлиннаго христіанскаго общенія и дѣланія формируетъ въ членахъ Движенія идеальный образъ его. Несоотвѣтствіе нашей дѣйствительности этому идеальному образу мучительно для всѣхъ, иногда даже отталкиваетъ кое кого отъ Движенія и является источникомъ постоянного недовольства собой, но быть можетъ и залогомъ нашего творческаго развитія... Если

бы мы умѣли глядѣть на себя со стороны, мы признали бы законность и нашихъ ошибокъ и нашего недовольства собой, учли бы все это какъ «болѣзни роста», освѣтили бы свои различныя ошибки всѣмъ тѣмъ, что несетъ намъ наше пребываніе въ эмиграціи. Но «понять» вовсе не значитъ только «простить», — это значитъ также не повторять прежнихъ ошибокъ, исправить себя и другихъ, найти творческой выходъ изъ положенія. И намъ нужно прежде всего «понять» себя въ своихъ недочетахъ, а затѣмъ искать того, какъ въ дальнѣйшемъ избѣжать прежнихъ неудачъ.

Среди разныхъ трудныхъ и даже болезненныхъ точекъ въ жизни Движенія самой трудной и отвѣтственной является «управленіе» его жизнью. Я беру въ кавычки эти слова, ибо, по совѣсти говоря, Движеніе **очень мало** управляется — скорѣе можно упрекнуть насъ въ томъ, что отдѣльныя наши «общины» живутъ совершенно «автокефально». Это, конечно, вѣрно — и здѣсь даже заключена очень серьезная и тревожная сторона нашей жизни. Но есть все же нѣсколько точекъ, въ которыхъ ощущается съ достаточной силой то, что Движеніе и въ цѣломъ и въ частяхъ «управляется». Теорія нашего «управленія» очень слабо развита, мало продумана, но его богатая и уже долготѣняя практика накопила достаточный матеріалъ. Не мало острыхъ и тревожныхъ вещей уже давно высказывалось и въ личныхъ бесѣдахъ и въ совѣщаніяхъ и даже годовыхъ сѣздахъ, но лишь на послѣднемъ годовомъ сѣздѣ мы вплотную подошли къ нѣкоторымъ вопросамъ нашего «управленія» — и хотя и не пришли къ какимъ либо категорическимъ рѣшеніямъ, но среди насъ намѣтилось нѣсколько различныхъ теченій, намѣтилась опредѣленная дифференціація. Вѣроятно, въ ближайшіе годы мы все же найдемъ какой то выходъ изъ трудностей въ этомъ отношеніи, — тѣмъ болѣе мнѣ кажется

своевременнымъ и умѣстнымъ дать свои «объясненія», изложить нѣсколько своихъ размышленій по вопросу объ управленіи нашимъ Движеніемъ.

2. Въ «патріархальной» стадіи нашего Движенія, когда оно было совсѣмъ еще юно, когда всѣ знали всѣхъ, когда задачи и дѣла Движенія были тоже маленькія, мы были скромнымъ, но цѣльнымъ организмомъ, настоящей семьей, внутри которой было полное довѣріе къ «вождямъ». Эта стадія и до нынѣ еще царитъ въ различныхъ мѣстахъ, иногда она держится очень долго, иногда довольно быстро проходитъ, — но она всегда оставляетъ въ душѣ участниковъ Движенія сознаніе вѣрности этого типа жизни, — не въ его деталяхъ, а въ его существѣ. Такимъ «существомъ» этой «семейной» стадіи въ жизни нашихъ «общинъ» является не простая согласованность, не одно единство, «органичность» и взаимное довѣріе, а то большее, то глубокое и дорогое намъ, что зовемъ мы «соборностью». «Соборность», конечно, есть живое, органическое единство своихъ членовъ, взаимное довѣріе и любовь, но соборность есть по существу, по своей внутренней природѣ, **Церковь**, благодатное преображеніе естественной близости. Соборность не есть уютъ, пріятность коллективной жизни, не есть вообще чудо и творческая сила самого по себѣ коллектива (какъ бы удачно, органично и семейственно ни жилъ бы онъ), соборность (какъ мы ее на опытѣ знали и знаемъ) есть «оцерковленіе» нашей социальной сближенности, есть освященіе этой естественной собранности.

Если въ Движеніи, въ патріархальный періодъ его жизни, съ особенной силой и воодушевленіемъ переживалась цѣнность этой семейственности, то кромѣ естественной радости отъ такой семейственности (очень типичной, между прочимъ идеи многихъ другихъ образованій.

напримѣръ, сектъ), было живое сознание того, что **сила нашего единства въ Церкви**. Эта укорененность въ Церкви, это трезвое, а въ то же время, огненное сознание, что намъ хорошо въ Движеніи не столько другъ отъ друга, сколько отъ связанности нашей черезъ Церковь и въ Церкви — она то и отлагала въ душѣ идеаль соборности, накапливая живой и творческой опытъ ея и опредѣлила наши исканія. **Мы хотѣли и хотимъ остаться вѣрны духу этой церковности въ нашей жизни**, мы хотѣли и хотимъ развивать, углублять начала соборности, ими питаться, ими держаться, — ибо **только въ немъ наша сила**. Не сама по себѣ «семейственность» и «органичность», а именно эта, силой Церкви пронизанная стихія соборности насъ держитъ и питаетъ. Здѣсь заключена очень важная идея, раскрыть которую сейчасъ не стоитъ, но смыслъ которой въ томъ, что мы не должны абсолютировать принципъ «семейственности» и «органичности» и восходить въ нашей жизни и самосознаніи къ принципу соборности, какъ силѣ церковности въ нашей жизни.

3. Но понявъ это, мы можемъ сдѣлать слѣдующій шагъ. Наше Движеніе было и остается «организмомъ», но оно очень давно стало и «организацией». Подъ этимъ мы разумѣемъ неизбежное съ количественнымъ ростомъ Движенія вліяніе «центра», ростъ нашей канцеляріи, извѣстныя начала «бюрократіи», все болѣе развивающаяся сила формальныхъ моментовъ въ жизни Движенія, съ каждымъ годомъ усложняющаяся наша конституція. Первоначальные вожди Движенія никѣмъ не избирались, а были естественнымъ центромъ, откуда исходила инициатива, посылались средства. Но постепенно Движеніе стало все болѣе усваивать правила и формы общественныхъ организаций, — и уже нѣтъ нынѣ никого въ Движеніи на отвѣтственныхъ мѣстахъ, кто

не былъ бы «избранъ». Правда, эти выборы часто переживаются какъ нѣчто совершенно формальное, предуказанное даже заранѣе «центромъ», но въ послѣдніе три года выборы стали принимать все болѣе отвѣтственный характеръ. Роль центра, вѣрнѣе нѣсколькихъ въ немъ лицъ оставалась по прежнему очень большою, черты прежнихъ патріархальныхъ отношеній внѣшне еще царили и царятъ у насъ, но рядъ такихъ выборовъ и рѣшеній, которыя были неприятны нѣкоторымъ нашимъ членамъ, заострилъ положеніе: «центр» и его предсѣдатель все чаще становятся предметомъ осужденія, начались рѣчи (уже въ прошломъ году) о «засиліи» центра, о давленіи и «искусствѣ» предсѣдателя, о недопустимомъ своеволіи центра и т. д. Какъ признаки «переходнаго» періода, эти выраженія недовольства не должны были бы насъ особенно тревожить: перейти отъ прежней системы «патріархальной семейственности» къ такой системѣ, которая не давала бы мѣста никакому засилью, «личному режиму» и т. д. нельзя въ одинъ моментъ, а слѣдовательно въ переходную стадию должны были возникать «недоразумѣнія». Мнѣ лично за послѣдніе годы тяжело было отъ этого накопленія недоразумѣній, разсѣять которыя часто не было никакой возможности. Но и перейти просто къ чисто формальной исполнительности мнѣ не позволяло и не позволяло чувство отвѣтственности за судьбы Движенія. Передъ кѣмъ я и мои сотрудники по «центру» несемъ эту отвѣтственность? Конечно, передъ нашимъ годичнымъ съездомъ, который является у насъ верховной нашей властью, — **но не только передъ нимъ**, но и передъ всѣмъ Движеніемъ, а еще больше — передъ его идеей. Никто нынѣ, даже изъ пламенныхъ защитниковъ парламентаризма, не станетъ отождествлять палаты депутатовъ съ *volonté generale*. Президентъ и короли, согласно строжайшимъ прави-

ламъ конституціи, имѣютъ право распустить парламентъ, назначить новые выборы, обратиться въ референдумъ непосредственно къ народу. *Mutatis mutandis* и у насъ, при всемъ уваженіи къ гонимымъ сѣздамъ, нельзя не вспоминать о самомъ тѣлѣ Движенія и хранить отвѣтственность не только передъ рѣшеніями нашего «парламента», но прислушиваться и къ голосу Движенія въ цѣломъ. Но кромѣ Движенія, въ его реальности, въ его живомъ составѣ, мы всѣ и особенно руководители несемъ отвѣтственность передъ Движеніемъ **въ его идеѣ**, въ его «сущности» и творческомъ замыслѣ.

Но тѣмъ самымъ создается граница въ жизни нашего Движенія, **какъ организациі**. Оно, конечно, есть организациія, вѣрнѣе, **въ немъ** есть организациія, но оно есть и нѣкій, хотя бы и несовершенный организмъ, высшимъ закономъ котораго является все же благо цѣлаго, а не частей какъ таковыхъ. Части организма суть его члены, его живая периферія, но все же іерархически въ организмѣ первенствуетъ значеніе цѣлаго, а не частей. За этой «органичностью» Движенія (хотя бы частичной и неполной) стоитъ великая и коренная для насъ идея соборности, какъ пути къ благодатному преображенію натуральной сближенности въ Церковь (живымъ проявленіемъ этого является то благодатное преображеніе семьи, которое ее обращаетъ въ «малую церковь»).

Мы должны признать поэтому **наличность двухъ различныхъ тенденцій, двухъ началъ** въ жизни нашего Движенія и особенно въ системѣ его «управленія»: начала «органичности» и начала «организациі». Организмы всегда обладаютъ структурой, а слѣдовательно **въ нихъ** есть и организациія, — но понятіе организациі имѣетъ и свой законченный смыслъ, какъ типъ единства, какъ форма объединенія. Въ **этомъ** смыслѣ «организациія» по существу остается чуждой организму (**а не наоборотъ**), но она можетъ становиться

организмомъ. Такъ, исторически семья все больше изъ типа организациі переходитъ въ типъ организма, свидѣтельствомъ чего служитъ ослабленіе началъ юридической регуляціи въ семьѣ. Тамъ, гдѣ до росли до понятія семьи, какъ организма, юридическая регуляція уходитъ «за кулисы», чтобы вновь выступить на сцену лишь при распадѣ семьи, какъ организма. О. Контъ выставилъ когда то положеніе, что всѣмъ «неорганическимъ» социальнымъ формамъ (не регулируемымъ началомъ права — что типично для «организациі») подобаешь развиваться въ сторону «органическихъ» формъ (типомъ которыхъ можетъ служить семья, въ ея лучшемъ выраженіи). Но если можно объ этомъ спорить въ отношеніи къ тѣмъ организациямъ, которыя являются чисто внѣшними по своему строенію и цѣлямъ (вплоть до государства), то тезисъ Конта совершенно безспоренъ для такихъ социальныхъ формъ, какой является наше Движеніе по своему заданію, по той внутренней силѣ, которой оно держится, въ явленіи и раскрытіи которой видитъ свою цѣль. Сила эта — въ Церкви, въ благодатномъ, богочеловѣческомъ организмѣ, внутри котораго зрѣетъ и наше Движеніе. Оно и станетъ церковнымъ до конца лишь тогда, когда изнутри заживетъ въ духѣ Церкви и явитъ силу и правду Церкви. Къ этому стремится Движеніе, **но оно чувствовало себя ближе къ этой цѣли**, когда начиналось, чѣмъ теперь, когда оно просуществовало 8 лѣтъ и внѣшне сильно развилось. Какъ объяснить это? Главной (хотя впрочемъ и не единственной) причиной этого является какъ разъ самый ростъ Движенія, слѣвавшей невозможной ту первоначальную, можно сказать, патриархальную цѣлостность Движенія, которая позволяла ощущать со всей силой церковные истоки нашей соборности, церковный ея смыслъ. Малыя семьи, именуемыя «кружками», разъ сознавъ и глубоко переживъ свое единство въ об-

щей семьѣ Движенія, долго держались этимъ непосредственнымъ и яркимъ переживаніемъ. Но ростъ Движенія усилилъ въ немъ моментъ организаціи, усилилъ роль «центра» и постепенно ослаблялъ первоначальную форму соборности. Движеніе продолжало оставаться организмомъ, но моментъ организаціи сталъ развиваться за счетъ начала органичности. Сознаніе неизбѣжности этого было почти у всѣхъ членовъ Движенія, но оно долгое время смягчалось личнымъ довѣріемъ къ дѣятелямъ центра. Однако съ ростомъ Движенія отношеніе къ центру становилось все сложнѣе, непосредственная связь съ центромъ слабѣла, а значеніе и сила центра возрастала. Стало казаться, что Движеніе начинаетъ становиться типичной общественной организаціей, появилось у насъ конституціонное творчество, все сильнѣе стали выступать начала формальной демократіи. Создалось даже такое теченіе, которое какъ бы отчаялось въ томъ, что Движеніе можетъ остаться цѣлостнымъ организмомъ, которое искало разрѣшенія вопроса въ томъ, чтобы Движеніе до конца перестроилось по типу общественныхъ организацій, а начало соборности стало относить къ чисто внутренней — невидимой и духовной сращенности насъ другъ съ другомъ.

4. Ни въ одной точкѣ не сказывается съ такой силой переходный характеръ настоящей фазы въ жизни Движенія, какъ именно въ «управленіи» Движеніемъ — т. е. въ жизни и въ работѣ нашего центра. Съ одной стороны центръ всегда сознавалъ себя движушей и творческой силой Движенія, выразителемъ его внутреннихъ устремленій — и именно въ этомъ сознаніи находилъ для себя стимулъ къ той огромной, по истинѣ непосильной работѣ, которая лежала на немъ. Съ другой стороны нашъ центръ сталъ техническимъ органомъ Движенія, опредѣляющимъ его внѣшніе пути, собираю-

щимъ и распредѣляющимъ средства. Какъ технической центръ Движенія, Центральный Секретаріатъ съ особенной силой являлъ ростъ начала организаціи, былъ даже активнымъ проводникомъ этого начала и его настойчивымъ защитникомъ. Выходило такъ, что первоначальная наша цѣлостность какъ бы разрушалась именно центромъ, который проводилъ въ жизнь Движенія начала организаціи. Съ другой стороны центральный органъ съ особенной болью переживалъ упадокъ довѣрія къ себѣ, распадъ первоначальной семейственной близости. Управляя Движеніемъ, нельзя не слѣдовать всѣмъ требованіямъ, которыя создаются природой **организаціи**, — и я готовъ даже признать, что въ этомъ отношеніи мы не стояли на высотѣ, что мы недостаточно сильны были въ смыслѣ бюрократической техники. Старые члены Движенія хорошо помнятъ, какъ нашъ бюджетъ подвергался исправленіямъ нѣсколько разъ въ году, какъ основные доклады на годичномъ съѣздѣ часто готовились спѣшно передъ самымъ съѣздомъ и т. д. Съ каждымъ годомъ центръ въ своей работѣ становился выше и лучше — и все же у насъ всегда было сознаніе, что **моментъ организаціи у насъ имѣетъ свои границы, что мы не можемъ придавать ему абсолютное значеніе**. Я говорилъ уже о томъ, что мы всегда сознавали себя ответственными не только передъ годичнымъ съѣздомъ, но и передъ всѣмъ Движеніемъ, и, наконецъ, передъ его идеей. А это значить, что у насъ было ясное сознаніе, что рѣшенія годичнаго съѣзда насъ **не связываютъ абсолютно**, что выше буквы этихъ рѣшеній для насъ долженъ стоять ихъ духъ, тотъ замыселъ, который легъ въ ихъ основу.

Необходимо замѣтить, что въ самой Церкви начало соборности вовсе не исключаетъ момента организаціи, начала права. Мы, православные, не идемъ такъ далеко, какъ католическая церковь, въ

которой моментъ организаціи развился дальше, чѣмъ слѣдуетъ, — но и у насъ существуетъ каноническое право, дѣйствуетъ церковная дисциплина, имѣется «управленіе» церковной жизнью. Въ исторической жизни нашей Церкви были тяжкіе періоды въ этомъ отношеніи, (достаточно вспомнить весь синодальный періодъ, стѣснявшій проявленіе начала соборности), — но это не угасило самого духа Церкви, не ослабило ея живой силы.

Для нашего Движенія дисгармонія двухъ началъ, опредѣляющихъ нынѣ его жизнь — начала органичности и начала организаціи — опасна потому, что мы не включены канонически въ систему церковнаго управленія и представляемъ изъ себя лишь организацію внутри Церкви. А въ то-же время мы хотимъ для себя торжества духа церковности, хотимъ приближенія въ своемъ строеніи къ ея завѣтамъ, хотимъ освященія своей сращенности въ одно цѣлое. Мы носимъ въ себѣ благодарное воспоминаніе о первыхъ годахъ нашей жизни, когда мы были одной большой семьей, да мы и нынѣ являемся семьей, но сейчасъ въ насъ сильны тенденціи къ тому, чтобы стать до конца организаціей. Эти тенденціи вызваны самой жизнью, нашимъ ростомъ, сложностью управленія нашимъ Движеніемъ, — ихъ нельзя отмѣнить, нельзя просто вернуться къ тому, что мы потеряли. Мы можемъ вновь обрѣсти духъ соборности, обрѣсти возрожденіе нашей непосредственной близости не черезъ упраздненіе въ насъ начала организаціи, а **черезъ подчиненіе** этого начала организаціи духу соборности. Лишь на этомъ пути насъ жлетъ рѣшеніе вопроса, ставшаго столь тяжелымъ для насъ, — и это имѣетъ силу на обѣ стороны — и для центральнаго нашего органа и для самого «тѣла» Дви-

женія. У меня есть нѣкоторыя соображенія по этому поводу, но я не буду сейчасъ излагать ихъ, а хочу лишь подвести итоги затянувшимся моимъ разсужденіямъ.

Развитіе двухъ различныхъ тенденцій въ нашемъ Движеніи — начала органичности и начала организаціи — было неизбежнымъ и законнымъ фактомъ нашей жизни. Но въ силу этого первоначальная цѣлостность Движенія стала блѣднѣть, и мы стоимъ нынѣ **передъ необходимостью** найти новыя формы соборности при наличіи большого развитія начала организаціи. Дѣло идетъ не о простой согласованности или идейномъ и иномъ единствѣ — что вполне возможно въ предѣлахъ всякой организаціи, — но мы хотимъ остаться вѣрными тому духу соборности, который свѣтитъ намъ въ Церкви. Мы признаемъ цѣнность и правду всѣхъ тѣхъ правилъ формальной демократіи, которыми неизбежно пронизывается все наше «законодательство», которыми опредѣляется и система «управленія». Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы сознаемъ **условное и инструментальное значеніе момента организаціи**, выше буквы хотимъ поставить духъ, интересы Движенія, какъ цѣлаго, ставимъ выше частныхъ въ немъ интересовъ.

Я не входилъ и не вхожу въ своей статьѣ въ обсужденіе конкретныхъ вопросовъ, которые связаны съ моей темой, я боюсь, что для многихъ читателей «Вѣстника» останется недостаточно ясною вся острота и актуальность этой темы. Но, прежде чѣмъ идти дальше, мнѣ кажется полезнымъ пока поставить точку, чтобы въ откликахъ читателей я могъ уяснить себѣ, какъ провести въ общее сознаніе Движенія мои тревоги и мои замыслы, выросшія въ отвѣтъ на эти тревоги.

В. В. Зѣньковскій.